

кретных деталей, с ним связанных. Реалистические (для XVII в. и более ранней поры) детали переосмыслиются на основе отношения к богатырю, переводятся в „идеальный“ план, становятся показателями высшего качества предмета, прилагательные относительные переходят в категорию качественных, получают значение оценочных. „Збруя богатырская“ — в новых записях былины не та, которая вообще полагается богатырю, воину (т. е. доспехи, вооружение, в отличие от „збруи слесарской, токарной, столярной—орудий ремесленников“¹⁾, а самая лучшая, какую себе можно представить—достойная богатыря. Этому в чрезвычайной степени способствует то, что для XIX—XX вв. (и даже для XVIII в.) утрачена живая связь с реалиями, изображенными в былине. Не только герои и их отношения, но и предметы, многие стороны быта живут уже только в сознании, а не в окружающей осязаемой действительности, поэтому происходит некоторое переосмысление текста.

Иначе обстоит дело в XVI—XVII вв., когда действительность, по непосредственной связи с прошлым, содержала богатый конкретный материал для восприятия этого прошлого в живых осязаемых формах. Несомненно, шлем, меч, сабля, лук, стрелы, копьё и вся „збруя богатырская“ XI—XII вв. отличались от этих же предметов XVI—XVII вв., но они продолжали жить и функция их почти не изменилась.

Поэтому описание отъезда семи богатырей в „Сказании о киевских богатырях“ — реалистическая картинка снаряжения воина в соответствии с действительностью XVI—XVII вв. Не только указание на то, что „пряжи“ у богатырей „красного булату перепускнаго“ (как известно, были различные сорта булата: белый, синий, красный, „перепускной“, „коленчатый“ и т. д.), но и „черкасские седла“, „булатные палицы“ (булавы, буздуганы, шестоперы), „булатные копьё вострые“ характеризуют живые типичные детали и предметы.

Из разнообразных седел, известных по описям XVI—XVII вв. (крымских, арапских, бухарских, кизылбашских, турецких и т. д.), черкасские и русские представлялись наиболее удобными для воина в походе, и они были наиболее распространенными, типическими, а отнюдь не исключительными по богатству и роскоши отделки. Богатыми, роскошными чаще были другие седла: крымские, бухарские, турецкие, которые украшались серебряной и золотой чеканкой, отделявались бархатом, шелком, золотой вышивкой. Стремена, пряжи, гвозди у седел и на всем конском уборе делались серебряные, железные, покрывались позолотой. „Войлоки“, которые подкладывались под седла, обшивались атласом. Подпруги, узды, пахви (или похви) и другая конская „снасть“ были ремённые (сафьян, хоз) или из шелковой тесьмы, и также украшались серебряными с позолотой и медными с позолотой гвоздиками, перечен-

¹ Словарь Академии российской, ч. III. СПб., 1792, стр. 25; Словарь церк.-слав. и русского языка, ч. II. СПб., 1847, стр. 78.